

Глава 9. «ВСТАВАЙ, ПРОКЛЯТЫЕМ ЗАКЛЕЙМЕННЫЙ...»

Международное товарищество рабочих, или Первый интернационал, было основано самими рабочими (преимущественно английскими и французскими) 28 сентября 1864 года на грандиозном митинге в Лондоне в поддержку польского национально-освободительного восстания. Бакунин в то время находился в Швеции и, как мы знаем, также поддерживал польское восстание — не только словом, но и делом. На лондонском митинге присутствовал Карл Маркс; он не выступал, но был избран в состав руководства провозглашенной организации (названный позже Генеральным советом). Маркс (а вслед за ним и Энгельс) первыми осознали всемирно-историческое значение свершившегося факта и постепенно взяли полностью на себя руководство этим довольно-таки разношерстным органом. По просьбе Генерального совета Маркс подготовил Учредительный манифест и Временный устав товарищества, единодушно утвержденные 1 ноября того же года. С этого момента созданный авторитет Интернационала возрастал в геометрической прогрессии — не по дням, а по часам. Рабочая солидарность представляла собой силу, с которой не могли не считаться европейские и американские правители. Хорошо организованные стачки и митинги сделались повседневной реальностью в жизни двух континентов.

Маркс давно склонял Бакунина к вступлению в Интернационал, видя в нем недюжинного, фактически равного себе теоретика и, главное, прирожденного организатора и агитатора, подлинного народного трибуна, обладавшего даром магического воздействия на массы, к тому же давно тяготевшего к социалистической идеологии и разделявшего главные ее положения. Ведь не кому-то еще, а именно Бакунину принадлежит первый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», написанного и опубликованного Марксом и Энгельсом еще в 1848 году.

До вступления в Интернационал Бакунина и его сподвижников состоялось два конгресса — в Женеве (сентябрь 1866 года) и в Лозанне (сентябрь 1867 года). Появление на горизонте бакунинцев с их «Альянсом социалистической демократии» сразу создало для товарищества множество проблем. И первая — можно ли принимать в Интернационал совершенно самостоятельную организацию, чьи цели и задачи во многом расходятся с программными и уставными положениями самого Интернационала? Проблема разрешилась быстро и однозначно: никаких «надстроечных» структур Международное товарищество рабочих иметь не должно. Незыблемый для Маркса и его соратников принцип централизма (обязательный для любой мало-мальски уважающей себя политической организации)

вступил в противоречие с бакунинской концепцией децентрализма.

Но не только организационно-уставные принципы стали камнем преткновения и возвели непреодолимую стену между двумя выдающимися деятелями международного революционного движения XIX века. Немецкий социалист (а под конец жизни — коммунист) Франц Меринг (1846–1919), глубоко почитавший Карла Маркса и написавший одну из самых лучших биографий своего учителя (не потерявшую своей актуальности и по сей день), не утратил (в отличие от большинства единомышленников) способности объективно оценить значение Бакунина. Меринг отмечал, что Бакунин был насквозь революционной натурой и обладал, подобно Марксу, талантом заставлять людей прислушиваться к своему голосу. Для бедного эмигранта, не имевшего ничего, кроме своего ума и воли, было поистине настоящим подвигом завязать первые нити интернационального рабочего движения в целом ряде европейских стран — в Испании, Италии и России. Однако стоит только назвать эти страны, чтобы сразу понять, насколько непреодолимым было противоречие между Бакуниным и Марксом. Оба они предугадывали скорое приближение революции, но Маркс, изучавший рабочее движение в Англии, Франции и Германии, видел именно в крупнопромышленном пролетариате ядро революционной армии. Бакунин же рассчитывал на воинствующую толпу деклассированной молодежи, на крестьянские массы и даже на люмпен-пролетариат. Он, однако, мирился со своей судьбой, считая, что хотя наука и является компасом жизни, но все же она еще не есть сама жизнь, а творить по-настоящему может только жизнь.

Тем не менее среди немецких социалистов за Бакуниным уже тогда закрепилось прозвище «Воплощенный Сатана». По существу, столкнулись две глыбы, два титана, два антипода, а значит, и две непримиримые идеологии, несовместимые мировоззрения, диаметрально противоположные представления о стратегии и тактике революционной борьбы. Их поединок достоин кисти или резца художников эпохи Возрождения, а их теоретическая борьба напоминала столкновение двух гигантских лавин. Но были еще и чисто психологические, а потому во многом субъективные, моменты во взаимоотношениях этих двух великих людей. Гнев и обида (которые, как известно, плохие советчики) застлали их разум, и на передний план выдвинулись мелкие факты и доводы. Именно они возобладали в скором времени во взаимных претензиях и обвинениях и как непререкаемая догма были восприняты соратниками того и другого. В результате о трехлетней борьбе Маркса и Бакунина, закончившейся поражением последнего, можно сказать: «Двум медведям тесно в одной берлоге».

Оба извели ведра чернил и исписали горы бумаги, не стесняясь в выражениях и особенно не задумываясь, насколько выдвинутые обвинения и привлеченные для их обоснования аргументы соответствуют действительному положению дел. Посудите сами. Предоставим сначала слово Бакунину: «Г[осподин] Маркс играл и играет слишком важную роль в социалистическом движении немецкого пролетариата, чтобы можно было обойти эту замечательную личность, не постаравшись изобразить ее в нескольких верных чертах. По происхождению г[осподин] Маркс еврей. Он соединяет в себе, можно сказать, все качества и все недостатки этой способной породы. Нервный, как говорят иные, до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютен, как Иегова, господь Бог его предков, и, как он, мстителен до безумия. Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не

был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть. И нет такой гнусной интриги, перед которой он остановился бы, если только, по его мнению, впрочем, большею частью ошибочному, эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический человек.

Таковы его отрицательные качества. Но и положительных в нем очень много. Он очень умен и чрезвычайно многосторонне учен. Доктор философии, он еще в Кёльне около 1840 года был, можно сказать, душою и центром весьма заметных кружков передовых гегельянцев. <...> Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал, и читал так умно, как г[осподин] Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особенным тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других и положительностью познаний, и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикою, и добросовестною смелостью выводов. Но ко всему этому г[осподин] Маркс прибавил еще два новых элемента: диалектику самую отвлеченную, самую причудливо тонкую, которую он приобрел в школе Гегеля и которую доводит нередко до шалости, до разврата, и точку отправления коммунистическую. <...>

Г[осподин] Маркс... высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг господина] Маркса. <...> Около 1845 года г[осподин] Маркс стал во главе немецких коммунистов и вслед за тем, вместе с господином] Энгельсом, неизменным своим другом, столь же умным, хотя менее ученым, но зато более практическим и не менее способным к политической клевете, лжи и интриге, основал тайное общество германских коммунистов или государственных социалистов...»

Это фрагменты главного труда Бакунина «Государственность и анархия». В незавершенной работе «Мои личные отношения с Марксом» (1871) он продолжает конкретизировать свои обвинения: «Маркс, — странная черта в столь умном и столь преданном человеке, черта, находящая себе объяснение только в его воспитании немецкого ученого и литератора и в особенности в его нервозности еврея, — Маркс крайне тщеславен, тщеславен до грязи и бешенства. Если кто-либо имел несчастье, хотя бы самым невинным образом, задеть его болезненное, всегда обидчивое и всегда раздраженное тщеславие, Маркс становится непримиримым его врагом; с этого момента он считает все средства дозволенными и действительно употребляет самые позорные, непозволительные средства, чтобы унижить своего врага в общественном мнении. Он лжет, измышляет и распространяет грязнейшие поклепы. <...>

Маркс любит свою собственную личность куда сильнее, чем своих друзей и апостолов, и никакая дружба не может противостоять самому мелкому оскорблению его тщеславия. Значительно легче он прощает измену своей философской и социалистической системе; он рассматривает подобную измену как доказательство глупости или, по меньшей мере, умственной неполноценности своего друга, и это тешит его. С той минуты, как он перестает

видеть в друге своем соперника, который мог бы достигнуть до его высоты, друг, пожалуй, даже станет ему милее. Но он никогда никому не простит погрешности в отношении его собственной личности: его надобно боготворить, поклоняться ему как идолу, чтобы он вас любил; надо, по меньшей мере, бояться его, чтобы он терпел вас. Он любит окружать себя ничтожествами, лакеями и льстецами. Несмотря на это, в его близком кругу можно найти несколько выдающихся людей. <...>

Сам еврей, он объединяет вокруг себя, в Лондоне и во Франции, но главным образом в Германии, целую массу маленьких более или менее смысленных, интригующих, шустрых евреев, спекулянтов, каковы евреи повсюду, торговых или банковских агентов, литераторов, политиков, корреспондентов газет всевозможных оттенков, одним словом, маклеров в литературе, наподобие того, как они являются маклерами в коммерции, одной ногой в банке, другой в социалистическом движении, а задом рассевшихся на немецкой прессе, ибо они заполнили все газеты, — и вы можете вообразить, до чего тошнотворна в результате литература.

И вот весь этот еврейский мир, который образует секту грабителей, вампир, прожорливый паразит, мир, тесно и крепко спаянный не только вопреки границам государств, но и вопреки всем различиям в политических мнениях, — этот еврейский мир в настоящее время в большей своей части находится в распоряжении, с одной стороны, Маркса, а с другой — Ротшильда. Я уверен, что Ротшильды ценят заслуги Маркса, а Маркс, со своей стороны, испытывает инстинктивное влечение и глубокое почтение к Ротшильдам.

Это может показаться странным. Что может быть общего между коммунизмом и крупным банком? О! Коммунизм Маркса желает мощной государственной централизации, а таковая в настоящее время немыслима без центрального государственного банка; а там, где будет подобный банк, там паразитирующая еврейская нация, нация, спекулирующая народным трудом, всегда найдет средства для своего существования...

Как бы то ни было, факт заключается в том, что большая часть этого еврейского мира, преимущественно в Германии, находится в распоряжении Маркса. Достаточно ему подать знак, чтобы они начали кого-нибудь преследовать, и целый поток брани, грязных поклепов, смешной и низкой клеветы обрушился на несчастного во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических газетах. <...>».

Эти свои мысли и выводы Бакунин десятки раз повторяет на разные лады. Так, обращаясь к итальянским интернационалистам города Романьи, он пишет: «Как же случилось, что мои друзья и я, мы отделились от Маркса и его друзей? Сему есть две причины. Во-первых, теории наши различны, можно даже сказать, диаметрально противоположны. Маркс — авторитарно, централистически настроенный коммунист. Он хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, — но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, провизорного правительства, то есть путем отрицания свободы. Его экономический идеал — государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала, государство, обрабатывающее землю с помощью сельскохозяйственных ассоциаций, хорошо оплачиваемых и руководимых инженерами, снабжающее капиталом все

промышленные и торговые ассоциации.

Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего, что зовется юридическим правом и, с нашей точки зрения, является перманентным отрицанием человеческих прав. Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов.

Вы видите, трудно представить себе две более противоречащих одна другой теории, чем наши. Однако существует еще одно, на этот раз чисто личное расхождение между нами. Мы ни в какой степени не удивлены, не огорчены, не оскорблены тем, что Маркс и его друзья исповедуют учение, отличное от нашего. Враги всякого, как доктринерского, так и практического абсолютизма, мы склоняемся с уважением не перед теориями, которых не можем признать истинными, но перед правом каждого следовать своим собственным теориям и проповедовать их. Мы жадно читаем все, что публикует Маркс, потому что всегда находим в этом много весьма поучительного.

Маркс настроен иначе. В своих теориях он столь же абсолютен, как и на практике, поскольку для него это возможно; его действительно выдающийся ум уживается рядом с двумя отвратительными недостатками: он тщеславен и ревнив. Ему был ненавистен Прудон потому лишь, что великое имя это и заслуженная его слава уязвляли его. Нет тех гадостей, которых он не писал бы о нем. Маркс эгоцентричен до безумия. Он говорит: мои идеи и не хочет понять, что идеи не принадлежат никому, что стоит хорошо посмотреть, и всегда окажется, что именно лучшие и величайшие идеи являются продуктом инстинктивной работы всех; единичному индивидууму принадлежит лишь выражение их, их оформление. Маркс не хочет понять, что идея, даже выраженная им самим, с того момента, как она понята и воспринята другими, становится собственностью этих других в той же мере, как и его.

Маркс, и без того склонный к самопочитанию, был вконец испорчен обожанием учеников своих, которые сделали из него нечто вроде доктринера-папы; а для психического и морального здоровья умнейшего даже человека ничего нет столь рокового, как обожание и почитание его непогрешимым. Все это еще более усилило эгоцентричность Маркса, так что он начинает ненавидеть всякого, кто не хочет гнуть перед ним шею. Вот главная причина ненависти к нам Маркса и марксистов. К этому надобно добавить, что, ненавидя кого-либо, они считают допустимой в отношении к нему всякую подлость. Нет тех гадостей, той клеветы и лжи, которой они не стали бы распространять на его счет в своих частных беседах и переписке, равно как и в газетах. Таков метод борьбы со своими противниками немцев вообще, и в особенности немецких евреев. Маркс — немецкий еврей, так же, как и многие другие главные и второстепенные вожди той же партии в Германии; впрочем, в этом отношении мадзинисты начинают походить на марксистов. Хочется сказать, что все авторитаристы на один лад. Кажется мне, всего, что я сказал, достаточно, чтобы разъяснить Вам причину расхождения нашего».

Критикуя Бакунина, Маркс также не стеснялся в выражениях и в карман за словом не лез. Его письма к единомышленникам пестрят оскорбительными эпитетами в адрес недавнего «старого друга», в одночасье превратившегося в лютого врага — «шарлатан», «невежда», «фигляр», «интриган», «подонок», «наглец», «осел» и т. д. Заодно досталось и его национальности: «Ни одному русскому я не верю...» Не отставал от Маркса и Энгельс: «...жирный, проклятый русский», «баран», «сволочь» или же вот еще: «Сибирь, брюхо и молодая полька превратили Бакунина в форменного быка», а его окружение — «панславистский сброд», «подлая банда негодяев и мошенников». Конечно, не гоже вождям мирового пролетариата и основоположникам великого учения опускаться до таких вещей, но что поделать — из песни слова не выкинешь.

Бакунин, как мы видели выше, в долгу не оставался, хотя выглядел гораздо сдержаннее и, насколько можно судить по сугубо личной переписке, — объективнее. Даже перед Герценом, к которому Маркс всегда относился предвзято, Михаил продолжал защищать главу Интернационала. 28 октября 1869 года он писал из Женевы: «Насчет Маркса вот мой ответ. Я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против нас, как и все другие, и даже, что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, возводимых на нас. Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвал великаном? По двум причинам, Герцен. Первая причина — справедливость. Оставив в стороне все его гадости против нас, нельзя не признать, я, по крайней мере, не могу не признать за ним, огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергически и верно вот уже скоро 25 лет... <...> и в котором он несомненно опередил нас всех. Он был одним их первых, чуть ли не главным основателем интернационального общества. А это в моих глазах заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы он против нас ни делал.

Вторая же причина — политика и, по-моему, совершенно верная тактика. <...> В этом черном мире единственной почвой, на которой построится будущее, я, любезный Герцен, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно все его сильные и слабые стороны, равно умности, как и глупости, и стараюсь соображаться с ними так, чтобы и дело народное продвигалось, — это, разумеется, главная и первая цель, — но также и так, чтоб и мое положение в нем укреплялось. Мое обращение с Марксом, который меня терпеть не может, да я думаю, и никого, кроме себя и разве близких своих, не любит. Моя политика и тактика с ним да служит тебе на это доказательством.

Маркс, несомненно, полезный человек в интернациональном обществе. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, — одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я бы никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его несомненно благодетельное влияние. А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадил и превознес его также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе — наши враги и составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче [было] ее разбить. Ты ученее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: “Divide et impera ” («Разделяй и властвуй». — В. Д.). Если бы я пошел теперь открытою войною против Маркса, три четверти интернационального мира обратилось бы против меня и я был бы в накладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начав же войну нападением на эту сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости, Schadenfreude [злорадства], — тьма тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей...»

Безусловно, главным в полемике между «заклятыми друзьями» — Марксом и Бакуниным — оставался вопрос о революции, ее движущих силах и конечных целях. Маркс, Энгельс и их соратники делали ставку на рабочий класс, являющийся гегемоном по отношению ко всем прочим слоям населения, а конечной целью революции объявляли диктатуру пролетариата. Но Бакунин вполне резонно спрашивал: диктатура по отношению к кому? Понятно, что бешеное сопротивление эксплуататорских классов придется преодолевать железной рукой. Но дальше-то что? Кого подавлять следующими? Крестьян? Интеллигенцию? Но и это еще не всё! Маркс и его сторонники полагали, что в результате революции и захвата власти пролетариат овладеет старой «государственной машиной» и использует ее в своих интересах, а позже она отомрет.

«Ничего подобного! — возражал Бакунин. — Как только прежние властные структуры заполнят новые люди, эти последние незамедлительно превратятся в полчища таких же паразитов, какие существовали во все времена и испокон веков!» И оказался, между прочим, прав! Ведь чем руководствуется чиновничество любой из эпох? Этому паразитическому сословию нужно во что бы то ни стало доказать свою нужность и полезность при очевидных для него самого ненужности и бесполезности[27]. Новая административно-командная система формально и по функциям своим окажется ничем не лучше, чем старая. Кроме того, она незамедлительно клонирует из самой себя другие уродливые бюрократии — политическую, партийную, профсоюзную, научную, молодежную, военную, церковную, культурную и т. д. и т... п.

Что из того, если на месте прежних дворян или представителей третьего сословия у рычагов управления окажутся вдруг рабочие и крестьяне? Первое время они, так сказать, — по инерции, еще как-то будут вспоминать и заботиться о народе, не забывая, конечно, и про себя. Но вскоре все, начиная с самых верхов, перессорятся, и на первый план выдвинутся личные шкурнические интересы. Одним словом, начнут вести себя, как пауки в банке. Закончится же все это смертоубийством — кто кого. Типичный пример — якобинцы в 1793 году. Те же, кто уцелеет, быстро позабудут об исходных принципах или превратят их в пустые лозунги для обманутого народа и создадут себе же на погибель свёрхбюрократического монстра с жесточайшей системой регламентации и запретов.

Вот почему после победы революции, в которой будут участвовать все без исключения прогрессивно настроенные силы, «государственно-бюрократическую машину» нужно тут же сломать, традиционные управленческие ячейки с их ненасытным, как саранча, классом

чиновничества ликвидировать, а вместо них ввести немногочисленные, избираемые народом, публично подотчетные ему, сменяемые в любое время вольные союзы и ассоциации. Если говорить совсем кратко, марксисты хотели завоевать власть, а бакунисты — ее уничтожить. Кроме того (с точки зрения Бакунина), Маркс, Энгельс и их адепты чересчур увлеклись весьма абстрактными понятиями вроде общественно-экономической формации, общественного бытия и общественного сознания, общественных отношений, базиса, надстройки и т. п. Русского же революционера в первую голову занимали совершенно иные проблемы: как уничтожить деспотизм, насилие, принуждение как таковые, как сделать так, чтобы свобода раз и навсегда стала ведущим принципом человеческого общежития. А есть ли на свете больший враг всякой свободы, чем государство?

В любом случае Бакунин отстаивал приоритет личности, а не государства (какое бы содержание в это понятие ни вкладывалось). Ибо государство — всегда насилие над личностью, над свободой, над здравым смыслом. «В этом весь вопрос, господа, — обращался он к читателям. — Так как государство — это насилие, угнетение, эксплуатация, несправедливость, возведенные в систему и ставшие основными условиями самого существования общества. У государства, господа, никогда не может быть морали. Его мораль и его единственная справедливость — это высший интерес своего собственного сохранения и своего всемогущества, интерес, перед которым все, что есть человеческого, должно склоняться. Государство — это само отрицание человечества. Оно является таковым вдвойне: и как противоположность человеческой свободе и человеческой справедливости (внутри), и как насильственное нарушение всемирной солидарности человеческой расы (за своими пределами)».

В конечном счете, так называемый интерес государства при ближайшем рассмотрении оказывается интересом элиты и бюрократии, коим в высшей степени наплевать на интересы широких народных масс. Каждый отдельно взятый госслужащий-бюрократ и бесчисленная орда мздоимцев — естественный тормоз социального прогресса; от них следует избавиться как можно скорее. Чиновники — бездушные придатки «государственно-бюрократической машины» — не нужны в принципе, поэтому их необходимо гнать поганой метлой, а состоящее из них бюрократическое чудовище уничтожить. А кто главный нарушитель личной свободы? Опять же государство в лице своих неисчислимых «церберов» — госслужащих разных рангов! Для того чтобы прийти к такому выводу, вовсе не обязательно провести десяток лет в тюрьме и ссылке.

Особо Бакунин предостерегал от узурпации власти и установления новой диктатуры со стороны ученого сословия: «<...> Под управлением народным они [марксисты] разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства [так!] целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы, — ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли. Но эти избранные будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты. Слова “ученый социалист”, “научный социализм”, которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах лассальянцев и марксистов, сами собою доказывают, что мнимое

народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ неучен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!»

Не говоря уже о метафизике вообще, продолжает Бакунин (ею даже в эпохи самого блестящего процветания занимались буквально единицы), наука в более широком смысле слова в настоящее время доступна только меньшинству. Например, у нас в России на восемьдесят миллионов жителей сколько насчитается серьезных ученых? — спрашивает «апостол анархии». И отвечает: людей, толкующих о науке, можно, пожалуй, насчитать тысячи, но сколько-нибудь знакомых с ней не на шутку вряд ли найдется несколько сотен. Но если наука должна предписывать законы жизни, то огромное большинство, миллионы людей должны быть управляемы одной или двумя сотнями ученых, в сущности, даже гораздо меньшим числом, потому что не всякая наука делает человека способным к управлению обществом. А много ли таких ученых не только в России, но и во всей Европе? Может быть, двадцать или тридцать человек! И эти двадцать или тридцать ученых должны управлять целым миром! Можно ли представить себе деспотизм нелепее и отвратительнее этого?

Будем уважать ученых по их заслугам, заключает Бакунин, но для спасения их ума и их нравственности не должно давать им никаких общественных привилегий и признавать за ними другого права, кроме общего права свободы проповедовать свои убеждения, мысли и знания. Власти им, как никому, давать не следует, потому что кто облечен властью, тот по неизменному социалистическому закону непременно сделается притеснителем и эксплуататором общества.

Сосредоточение верховной власти в руках немногих, считал Бакунин, одинаково недопустимо и пагубно как в масштабах целого государства (где она уже закреплена многовековой традицией и должна быть разрушена), так и в масштабах отдельно взятой организации, наподобие хотя бы Интернационала. «<...> Мы убеждены, — писал он в одной из франкоязычных швейцарских газет, — что, если Международное товарищество рабочих будет разделено на две группы: одну, заключающую в себе громадное большинство и состоящую из членов, вся наука которых будет состоять только в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость своих вождей; и другую, состоящую только из нескольких десятков правителей, — это учреждение, которое должно освободить человечество, превратится само в некоторого рода олигархическое государство — худшее из всех государств. Это прозорливое, ученое и искусное меньшинство, которое примет на себя всю ответственность и права правительства, тем более самодержавного, что его деспотизм заботливо прячется под внешней оболочкой учтивого уважения к воле и решениям, всегда им самим продиктованным, этой якобы народной воле; это меньшинство, говорим мы, повинувшись необходимости и условиям своего привилегированного положения и подвергаясь общей участи всех правительств, постепенно будет становиться все более и более деспотичным, зловредным и реакционным. Международное товарищество рабочих только тогда может стать орудием освобождения человечества, когда оно прежде само освободится. <...>».

Конечно же Бакунин понимал определяющее значения экономического фактора в общественном развитии в целом и в социальной революции в частности. Его высказывания не оставляют на сей счет никакого сомнения; «Мы убеждены в том, что если бы — по предписанию Марата и по значительно более скромному и грозному выполнению Робеспьера и Сен-Жюста — мы снесли сто тысяч и более голов, то этим мы ничего не достигли бы; в то время как, напротив, если смело и основательно взяться за экономическую реорганизацию общества и при этом устранять со всей необходимой для того энергией все, препятствующее превращению социальной несправедливости в справедливость, — мы создали бы новый мир».

Не было полной ясности и с рабочим движением. Бакунин прекрасно понимал, что организованный пролетариат представляет собой несокрушимую силу в борьбе с эксплуататорской системой. Но как быть с Россией, где рабочие явно в меньшинстве и к тому же слабо организованы, а основную массу населения составляет крестьянство? На что марксисты отвечали: Россия для революции еще не созрела, нужно дождаться, когда здесь сформируется достаточно сильный рабочий класс, способный возглавить революцию. Ничего подобного! — вновь возражал Бакунин. Русский человек — по природе своей бунтарь, и вовсе неважно, в какой части общества вспыхнет первая искра мятежа. Это может быть и дворянство — как уже бывало с декабристами, но, скорее всего, и даже вне всякого сомнения, ориентироваться следует на крестьянскую революцию, по типу тех войн, какие однажды уже потрясли Россию в XVII и XVIII веках.

Мощные восстания той эпохи под водительством Степана Разина и Емельяна Пугачева — вполне достойный пример для грядущей крестьянской революции с той разве разницей, что на сей раз ее возглавит, как выражался Бакунин, «коллективный Стенька Разин». Отсюда и знаменитый, леденящий душу призыв «К топору зовите Русь!», долгое время приписывавшийся Герцену или Чернышевскому; на самом же деле, как установили современные исследователи, он принадлежал Бакунину. Для русских революционеров XIX столетия это была вполне актуальная, животрепещущая проблема. Для руководства же Интернационала и его вождей она почти что ничего не значила.

В условиях репрессивно-деспотических режимов Бакунин и его сподвижники делали ставку на создание тайных организаций, способных мобилизовать народные массы и подготовить в урочный час их вооруженное выступление. Такая тактика освободительной борьбы вовсе не нова. Она именуется бланкизмом, по имени французского революционера и социалиста-утописта Луи Огюста Бланки (1805–1881), почти половину жизни проведенного в тюремном заключении за подготовку заговоров и осуществление (во всех случаях — неудачных) переворотов. Другой, еще более достойный, пример перед глазами — Гарибальди и его усилия по объединению Италии, где хорошо законспирированная работа прекрасно сочеталась с активными вооруженными выступлениями. Опыт средневековых рыцарских и религиозных орденов, плавно перешедших в разветвленную масонскую сеть, также не игнорировался. Все это нашло отражение и в программе «Альянса», написанной Бакуниным:

«<...> Революция, как мы ее понимаем, или, вернее, какой она неизбежно выдвигается ныне силой вещей, носит, по существу, международный или всеобщий характер. Перед лицом угрожающей коалиции всех привилегированных интересов и всех реакционных сил Европы,

располагающих всеми ужасающими средствами, которые дает им умелая организация, перед лицом глубокого раскола, повсюду царящего теперь между буржуазией и рабочими, — никакая национальная революция не сможет добиться успеха, если она тотчас же не распространится на все другие нации; но она никогда не сможет перешагнуть границы одной страны и принять характер всеобщности, если в себе самой она не будет содержать всех элементов этой всеобщности, то есть если она не будет революцией откровенно социалистической, разрушающей государство и создающей свободу путем равенства и справедливости; ибо отныне ничто не сможет объединить, наэлектризовать, поднять великую, единственно подлинную силу века — рабочих, кроме лозунга полного освобождения труда на развалинах всех учреждений, стоящих на стороне наследственного землевладения и капитала. <...> Так как предстоящая революция может быть только всеобщей, Альянс, или — скажем прямо — заговор, который должен ее подготовить, организовать и ускорить, также должен быть таковым».

Безусловно, Бакунин осознавал слабость заговорщической тактики, указывал на ее многочисленные просчеты и неудачи, подчеркивал (как это видно из приведенной цитаты), что без опоры на широкие рабочие и крестьянские массы любое восстание обречено на поражение. В противоположность «Альянсу» деятельность Интернационала была целиком и полностью направлена на открытую пропаганду своих программных установок и организацию различных политических акций. Естественно, такая стратегия и тактика, приемлемые для стран Западной Европы и Америки с вполне сформировавшейся буржуазной демократией, совершенно не подходили для России, где демократией и не пахло. Потому-то здесь и приходилось ориентироваться главным образом на нелегальную деятельность и создание тайных революционных ячеек.

Прирожденный подпольщик и конспиратор, Бакунин перенес накопленный им за многие годы опыт и на функционирование «Альянса социалистической демократии». Несмотря на заявления о его самороспуске, приносить священные принципы в жертву Марксову большинству члены «Альянса» не собирались.

«Социальная революция в том виде, в каком ее представляют себе, какой желают и на какую надеются латинские и славянские рабочие, — бесконечно шире той, которая обещана им немецкой, или марксистской, программой, — писал Бакунин. — У них речь идет не о мелочно-расчисленном освобождении рабочего класса, осуществимом лишь в течение очень долгих сроков, но о полной и реальной эмансипации всего пролетариата не только в отдельных странах, но у всех народов, как цивилизованных, так и нецивилизованных, — ибо новая, действительно народная цивилизация будет создана самим фактом этой всемирной эмансипации. И первым словом этой эмансипации будет свобода, не та политическая, буржуазная свобода, что провозглашается и восхваляется господином] Марксом и иже с ним, как первый шаг к победе, но великая свобода человечества, свобода, которая, разбив все догматические, метафизические, политические и юридические оковы, ныне гнетущие мир, даст всему миру, — как сообществам, так и отдельным лицам, — полную автономию движения и развития, раз навсегда освободив их от всякого рода надзирателей, управителей и опекунов.

Вторым словом этой эмансипации будет солидарность. Не марксистская солидарность, организованная сверху вниз каким-либо правительством и предложенная, хитростью или силой, народным массам; не та солидарность всех, что является отрицанием свободы каждого в отдельности и тем самым становится ложью, фикцией; не та солидарность, которой оборотная сторона — рабство, но солидарность, которая является утверждением и осуществлением всякой свободы, которая проистекает не из какого-либо политического узаконения, но из самой коллективной природы человека, солидарность, смысл которой в том, что ни один человек не свободен, покуда не свободны все окружающие его, все оказывающие малейшее, прямое ли, косвенное ли, влияние на его жизнь. Эта истина прекрасно выражена в “Декларации прав человека”, обнародованной Робеспьером, где говорится, что рабство последнего из людей есть рабство человечества» (выделено мной. — В. Д.).

Очень скоро Международное товарищество рабочих дало трещину. Большинство секций поддерживало Маркса, меньшинство — Бакунина. Романские Италия и Испания, франкоговорящая часть Швейцарии (Юрская федерация), а также Бельгия и Голландия симпатизировали «русскому смутьяну», Англия, Германия, Франция (с оговорками), Скандинавские и ряд других европейских стран, а также США — приняли сторону Маркса. И та и другая сторона прекрасно понимали, что раскол обычно предшествует деградации и смерти, поэтому во что бы то ни стало пытались сохранить единство. Но это оказалось возможным лишь после изгнания из своих рядов конкурентов. Лучше это получилось у Маркса и Энгельса, сумевших противопоставить романской эмоциональности, импульсивности и несобранности трезвый немецкий расчет, организованность и дисциплину.

Первая проба сил произошла в сентябре 1869 года на Четвертом (Базельском) конгрессе Интернационала и закончилась вничью. Бакунин выступал здесь по вопросу о праве наследования (один из пунктов программы «Альянса») и был поддержан многими делегатами. Перед конгрессом марксисты попытались дискредитировать непокорного русского с помощью давно протухшего средства — обвинения в том, что он, дескать, является агентом царского правительства. Такую информацию поместила среди прочих и берлинская газета «Volksstaat», издаваемая сподвижником Маркса Вильгельмом Либкнехтом (1826–1900). Бакунин апеллировал к Базельскому конгрессу и одержал полную победу. Состоялся товарищеский суд, который обвинил Либкнехта в «преступном легкомыслии» и потребовал публичного извинения. Тот признал, что был введен в заблуждение, и протянул оклеветанному Бакунину руку для примирения. Михаил охотно пошел на мировую и, дабы доказать, что инцидент исчерпан, поджег перед всеми постановление товарищеского суда и прикурил от него папиросу.

К следующему, Пятому конгрессу, проходившему в Гааге в сентябре 1872 года, марксисты мобилизовали все силы, чтобы исключить Бакунина из Интернационала. И они добились своего главным образом путем предварительного организационного манипулирования: некоторые их делегаты получили дополнительные мандаты; например, Маркс имел три, а Энгельс два мандата (то есть голоса). Кроме того, было сделано все, чтобы в конгрессе не участвовали представители Итальянской федерации, к тому времени порвавшей с Генеральным советом. Утверждение мандатов заняло три дня из четырех, отведенных на

работу конгресса, и лишь в последний день делегаты смогли перейти к обсуждению повестки дня.

На конгрессе работала следственная комиссия из пяти человек, которую возглавлял друг Маркса и Энгельса Теодор Куно (1846–1934). Она рассмотрела представленные документы и большинством голосов (три против двух) вынесла решение об исключении Бакунина из Интернационала. Против проголосовали испанские делегаты, причем дело не ограничилось дебатами. Один из испанцев достал револьвер, направил его на председателя комиссии и с криком: «Такой человек заслуживает, чтобы его пристрелили!» — чуть было не использовал оружие по назначению, но был вовремя остановлен другими членами комиссии. После того как конгресс утвердил решение комиссии, ни один русский представитель не счел возможным остаться на его заседании.

Исключение Бакунина больше походило на расправу. В докладе комиссии по данному вопросу черным по белому написано, что она руководствовалась не столько фактами, сколько моральным убеждением, и попросила конгресс выразить ей доверие на сей счет. Франц Меринг, проанализировавший в биографии Маркса все аспекты «бакунинского дела», пришел к выводу: «заключительная сцена» Гаагского конгресса безусловно недостойна имени Интернационала. Постановление комиссии, принятое под колоссальным нажимом, было нелегитимным и вообще не имело юридической силы, хотя бы еще потому, что один из ее членов оказался провокатором, засланным на конгресс с единственной целью — дестабилизировать его работу. Ни один из пунктов обвинения не был доказан на основе неопровержимых фактов и документов, большая часть из них была сфальсифицирована Николаем Утиным (о нем речь пойдет ниже). Причем персональная ответственность за подобную недобросовестность, как не побоялся сказать правоверный марксист Меринг, лежала лично на Марксе. Единственное, что можно было поставить в вину Бакунину — это его «бузотерство» (слова Меринга), сверхактивность, широту русской души, мало совместимой с европейской чопорностью, и, к великому сожалению, «антисемитизм», который «русскому медведю» никак не могли простить евреи, составлявшие значительную часть делегаций (и в частности, самой представительной — немецкой)[28].

Но победа Маркса оказалось пирровой. Он понимал, что позиции марксистов пошатнулись и на следующем конгрессе они вряд ли получат поддержку большинства. Симпатизировавшие Бакунину французские бланкисты открыто возмущались тем, что его исключили из Интернационала, и могли в любой момент взять державшуюся на компромиссе власть в свои руки. (Их вождь, находившийся в заключении, не прочитал ни одной работы Маркса, зато вскоре был избран почетным председателем Парижской коммуны.) Поэтому марксисты хотели перенести штаб-квартиру Генерального совета из Европы в Америку. Несмотря на противодействие многих делегатов, Гаагский конгресс принял соответствующее решение, и штаб-квартира совета была переведена в Нью-Йорк.

Но и сторонники Бакунина не сложили оружия. Через несколько дней они провели свой конгресс в швейцарском городе Сент-Имье. При этом они очень удачно использовали резолюцию о переводе руководящих структур Международного товарищества рабочих в Нью-Йорк, объявив, что тем самым организация во главе с Марксом утратила всякую связь с европейским рабочим и революционно-освободительным движением и может считаться

ликвидированной. Действительным же наследником и правопреемником Интернационала, согласно решению альтернативного конгресса, должна быть признана группа, оставшаяся на европейском континенте во главе с Бакуниным. За ним пошли испанская, итальянская, английская, бельгийская, голландская и романоязычная швейцарская делегации. С этого момента и на протяжении пяти лет в мире действовали две, по существу равноправные, организации — марксистская и бакунистская. Деятельность последней внешне выглядела даже более успешной, ибо ей удавалось почти ежегодно проводить представительные международные конгрессы, в то время как перебазирувавшийся в США Генеральный совет за то же время не смог собрать ни одного.

Бакунистское Международное товарищество рабочих и просуществовало дольше марксистского. Через пять лет, в 1881 году, анархисты на своем съезде в Лондоне провозгласили создание «Черного Интернационала». Тогда же у международного анархизма появился новый лидер — русский революционер Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921). Как и Бакунин, он был потомственным дворянином, к тому же еще и князем[29], что не помешало ему стать выдающимся ученым-географом и путешественником, прежде чем он стал лидером мирового анархизма. Кропоткин никогда не встречался с Бакуниным, хотя и бывал в Швейцарии после своего легендарного бегства из Петропавловской крепости, когда «отец анархии» был еще жив. И тогда, и позже имя пламенного революционера было постоянно на слуху. Однако говорили о нем не как о вожде, слово которого закон, а как о друге и товарище, называя его независимо от возраста просто по имени — Мишель.

«Поразило меня больше всего то, — пишет Кропоткин, — что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета. В разговорах об анархизме или о текущих делах федерации я никогда не слышал, чтобы спорный вопрос разрешался ссылкой на авторитет Бакунина. Рабочие никогда не говорили: “Бакунин сказал то-то” или: “Бакунин думает так-то”. Его писания и изречения не считались беспепелляционным авторитетом, как, к сожалению, это часто наблюдается в современных политических партиях. Во всех тех случаях, где разум является верховным судьей, каждый выставлял в спорах свои собственные доводы. Иногда их общий характер и содержание были, может быть, внушены Бакуниным, но иногда и он сам заимствовал их от своих юрских друзей. Во всяком случае, аргументы каждого сохраняли свой личный характер. Только раз я слышал ссылку на Бакунина как на авторитет, и это произвело на меня такое сильное впечатление, что я до сих пор помню во всех подробностях, где и при каких обстоятельствах это было сказано. Несколько молодых людей болтали в присутствии женщин не особенно почтительно о женщинах вообще.

— Жаль, что нет здесь Мишеля! — воскликнула одна из присутствовавших. — Он бы вам задал! — И все примолкли.

Они все находились под обаянием колоссальной личности борца, пожертвовавшего всем для революции, жившего только для нее и черпавшего из нее высшие правила жизни. <...>».

Анархистский «Черный Интернационал» никогда не имел необходимого авторитета на международной арене, чего нельзя сказать о Втором (Социал-демократическом) интернационале, учрежденном в Париже 14 июля 1889 года, ровно через сто лет после

взятия Бастилии. Под именем Социалистического интернационала (Социнтерна) он существует и поныне. Кроме того, в истории международного рабочего движения известен Третий (Коммунистический) интернационал, основанный в 1919 году В. И. Лениным и распущенный в 1943 году И. В. Сталиным[30].

Подводя итог беспрецедентной борьбы за лидерство в Первом интернационале, Франц Меринг отмечал: «Бакунин... заслужил более отрадную смерть и более почетную память, чем сохранили о нем если не весь рабочий класс, то все же многочисленные круги этого класса, за интересы которого он так мужественно боролся и так много страдал. При всех недостатках и слабостях Бакунина история обеспечит ему почетное место среди передовых борцов международного пролетариата — вопреки тому, что это почетное место будут оспаривать всегда, пока есть на земле филистеры, все равно, натягивают ли они себе на длинные уши полицейский ночной колпак или стараются скрыть свои трясущиеся кости под львиной шкурой Маркса».

* * *

Между тем Маркс и Энгельс вместе и порознь продолжали критиковать Бакунина и его соратников. Особо выделяется их совместный труд под названием «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873 год), написанный при участии зятя Маркса — Поля Лафарга. Карл Маркс даже форсировал изучение русского языка, дабы в подлиннике прочитать работу Бакунина «Государственность и анархия». (Ее подробный конспект с многочисленными выписками по-русски и критическими замечаниями, составленный в 1874–1875 годах, сохранился и неоднократно публиковался.)

Разоблачительную и недоброкачественную информацию Генеральному совету Интернационала в изобилии поставлял некто Николай Исаакович Утин (1841–1883), пользовавшийся расположением Маркса и Энгельса. Это был профессиональный интриган и фальсификатор. Сын водочного миллионера-выкреста, он в начале 1860-х годов участвовал в студенческих волнениях и, спасаясь от полиции, оказался за границей, в Швейцарии, где и познакомился с Бакуниным. Отношения между патриархом революционного движения и молодым эмигрантом не сложились с самого начала, хотя некоторое время им пришлось сотрудничать. Вот мнение об Утине самого Бакунина, которое разделяли и другие русские изгнанники (в частности, Герцен и Огарев):

«Он произвел на меня самое странное впечатление — впечатление тщеславно-беспокойного жидка, лезущего из кожи для того, чтобы сделать себя во что бы то ни стало и каким бы то ни было средством известным. <...> Прежде всего поразили меня его драматизм, фразерство, а потом его непроходимая бестолковость. Редко я встречал в человеке такое отсутствие простоты в мысли, в чувстве, в слове и в деле. Вечно преследуемый мыслью о самом себе, этот несчастный человек в самых обыденных поступках и малейших проявлениях своей страдальчески-исковерканной личности силится доказать себя и себе, и другим; он не умеет ни есть ни пить просто; не может позабыть ни на одну минуту, что он страшный революционер и конспиратор, неумолимый террорист и, вместе с тем, человек,

обрекший себя на великий подвиг и на высокую жертву, на мучение, на верную гибель для спасения человечества вообще и России в особенности. Эта фраза, перешедшая в него, вероятно, вместе с восточною кровью, воплотилась во всем его существе. Она делает его в одно и то же время беспрестанным мучеником и комедиантом и — увы — неутомимым интриганом. Вечное позирование, рисование и становление себя на подмостки, тщеславные и пустозвонно-великодушные речи, одним словом, весь этот выпендренный и комический драматизм маленького человека, тщетно силящегося сделаться чем-нибудь, действует отталкивающим образом на всякого серьезного человека, особенно на мужчин; но зато нередко производит действие обаятельное на женщин, ищущих впечатлений и содержания. Вот почему у г-на Утина приверженцев немного, но зато есть с полдюжины поклонниц, принимающих его мишуру за чистое золото и приносящих ему немалую пользу. Посредством их распространяет он свои клеветы, расставляя сети свои, ловит новых людей и сооружает себе пьедесталик...»[31]

Именно Утину удалось отстранить Бакунина от руководства журналом «Народное дело» после выхода первого номера. И это он, Утин, на протяжении длительного времени поставлял Марксу и Энгельсу разного рода фальшивки и сплетни, касающиеся российского революционного движения. Его разлагающая деятельность внутри русской эмиграции была настолько успешной и эффективной, что заслужила высокую оценку российской охранки и правительства. Странная карьера Утина завершилась его личным обращением к царю с просьбой о помиловании. Получив его, он вскоре вернулся в Россию, где стал официальным военным поставщиком во время Русско-турецкой войны 1877 года и в результате финансовых афер приумножил миллионы, доставшиеся ему от отца. Так что в данной ситуации интуиция подвела не Бакунина, а Маркса.

Точно такими же аферами — только политическими — Утин занимался в Интернационале, где даже ухитрился организовать и возглавить Русскую секцию. Особенно успешно ему удавалось подливать масла в огонь борьбы между Бакуниным и Марксом, в результате чего она делалась все более и более ожесточенной. В частности, Утин убедил Маркса, что провокационные документы и письма, касающиеся перевода и издания на русском языке первого тома «Капитала», написаны не Нечаевым (как это было на самом деле), а Бакуниным. Бакунин действительно взялся за перевод главного труда Маркса и даже получил от издателя задаток — 300 рублей (треть от всей договорной суммы). Перевод не заладился с самого начала — отчасти из-за дефицита времени, отчасти из-за колоссального объема и сгущенной абстрактности материала, который предстояло перевести (в письме Герцену он назвал научное детище Маркса «экономической метафизикой»). Кроме того, непонятным казалось пристрастие Маркса к цитированию устаревших газетных статей и обильным статистическим данным. Бакунин давно уже разочаровался в теоретической философии и при случае вспоминал собственный давний афоризм: «Кто опирается на абстракцию, тот и умрет в ней». Революцию с помощью абстракций (или в абстрактной сфере) не совершить. Для ее осуществления и победы нужны ружья, пушки, боеприпасы, самоотверженность тысяч бойцов и воля талантливых командиров.

Но условия издательского контракта необходимо было выполнять. Тем более что и Маркс ревниво следил за графиком работ и считал дни, оставшиеся до их завершения. Вот тут-то и появился Сергей Нечаев, сыгравший в этом деле крайне негативную роль. Он также считал,

что издание «Капитала» на русском языке вряд ли приблизит революцию в России и Бакунин должен сосредоточить все свои силы не на рутинном переводе, а на подготовке прокламаций: ими Нечаев со своими сторонниками — будущими боевиками — намерен был наводнить Российскую империю. Издание же «Капитала» не отменялось вовсе, а несколько сдвигалось по времени. Нечаев быстро нашел нового переводчика и брался урегулировать все финансовые вопросы. И урегулировал, но только своими «нечаевскими» методами. Он припугнул издателя, продемонстрировав для пущей убедительности револьвер и предложив забыть и о выданном авансе, и о сроках выполнения контракта.

Ничего этого Бакунин не знал. В чем можно было обвинить его лично, так это в излишней доверчивости, от коей страдал всю жизнь. В ту пору он полностью доверял (разве он один?) Нечаеву и был только рад, что тому так быстро удалось разрешить столь деликатное дело. Но спустя некоторое время Маркс предъявил комиссии Гаагского конгресса документ, полученный им от Утина и якобы написанный от имени мифического «революционного комитета», где содержались угрозы и шантаж в адрес русского издателя «Капитала» на тот случай, если тот вознамерится настаивать на возвращении задатка, выданного Бакунину. «Документ», шитый белыми нитками, скорее всего был написан самим Утиным. Впоследствии он исчез из «следственного дела».

* * *

Франко-прусская война 1870–1871 годов, в результате которой Франция потерпела сокрушительное поражение, породила у Бакунина новые надежды на активизацию революционного движения в Европе. Его симпатии целиком и полностью были на стороне оккупированной Франции[32]. При этом ему представлялось, что создавшаяся ситуация благоприятствует не только всенародному сопротивлению захватчикам, но и перерастанию крупномасштабной военной схватки двух империалистических держав в гражданскую войну в самой Франции. В этом русский революционер видел ее спасение. Он писал: «<...> Кроме искусственной государственной организации, в стране есть только народ; стало быть, Франция может быть спасена только непосредственным действием, не политическим, [а] народа — массовым восстанием всего французского народа, организующегося стихийно, снизу вверх, для разрушения, для дикой войны на ножах».

И конкретизировал свою мысль, обращаясь к французским патриотам: «Нет, дорогие друзья, Франция не погибнет, если вы не хотите погибнуть сами, если вы люди, если вы обладаете темпераментом, если в сердце вашем есть настоящая страсть, — если вы хотите ее спасти. Вы не можете больше спасти ее путем общественного порядка, государственной силой. Все это, благодаря пруссакам, — я говорю это, как истинный социалист, — теперь одни развалины. Вы не можете даже спасти ее путем революционного усиления политической власти, как это сделали якобинцы в 1793 году. Так спасите ее путем анархии. Разнуздайте эту народную анархию как в деревнях, так и в городах, разверните ее во всю ширь так, чтобы она катилась как бешеная лава, снося и разрушая на своем пути все: всех врагов и пруссаков. Это геройский и варварский способ, я знаю. Но это последний и отныне единственно возможный способ. Вне его нет спасения для Франции. Так как все нормальные силы разложились, ей остается только отчаянная и дикая энергия ее детей, — которые

должны выбрать или рабство, — путь буржуазной цивилизации, или свобода, — путь свирепой борьбы пролетариата». «И когда пробьет час революции, — обращался «отец анархии» к своим единомышленникам, — [вы провозгласите] ликвидацию государства и буржуазного общества, вместе со всеми юридическими отношениями; [вы провозгласите] анархию, то есть подлинную, открытую народную революцию, анархию юридическую и политическую и экономическую организацию победоносного мира трудящихся снизу вверх и от периферии к центрам. <...> Так или иначе революция, революция делается неизбежной — сначала во Франции и Италии, а затем в той или иной степени повсюду! Да здравствует революция!»

Конечно, призыв к стихийной и массовой поножовщине сегодня заставит содрогнуться каждого, кто представляет ужасы гражданской войны. Уже в XIX веке они привели к морю крови и горам трупов во время войны Севера против Юга в США или при расправе с защитниками Парижской коммуны. Но следующий, XX век затмил предшествующие события воистину иррациональными масштабами ничем не оправданных смертей безвинных людей во время бесчисленных гражданских войн. Россия, Мексика, Испания, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Сомали, Афганистан — вот далеко не полный перечень стран, где рекомендованный Бакуниным иллюзорный способ построения «справедливого общества» обернулся (прежде всего для народных масс) бесчисленными бедами и невзгодами.

Разрабатывая планы революционного восстания во Франции, Бакунин опирался на существовавшие в различных городах ячейки сочувствовавших ему активистов, в основном молодежи. В письме от 7 февраля 1870 года к одному из своих французских сподвижников, Альберу Ришару, он с восхищением отмечал: «Ах! мой дорогой, как эти ребята работают, какая дисциплинированная и серьезная организация и какая мощь коллективного действия, где все личности стираются, отказываются даже от своего имени, от своей репутации, от всякого блеска, от всякой славы, принимая на себя лишь риски, опасности, самые суровые лишения, но в то же время сознавая, что они сила, что они действуют. <...> Личность исчезла, а на месте личности — невидимая, неведомая, вездесущая рать, действующая повсюду, каждый день умирающая и каждый день возрождающаяся, их хватают десятками, они возрождаются сотнями; гибнут личности, но рать бессмертна, и мощь ее растет с каждым днем, ибо она пустила глубокие корни в мире черных рук и черпает из этого мира бесчисленное множество рекрутов. Вот та организация, о которой я мечтал, мечтаю до сих пор и которую хотел бы видеть у вас...»

(Обращаю внимание на первейший принцип всякой революционной организации, как его понимал Бакунин: дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина — вот такая в общем и целом получается анархия. — В. Д.) На алтарь революционного коллективизма Бакунин в любое время готов был положить и собственный авторитет. В том же письме Альберу Ришару он отмечал: «Не пишешь ли ты мне, что если я того пожелаю, то смогу сделаться Гарибальди социализма? Очень мне надо сделаться Гарибальди, да и вообще играть роль! Дорогой мой, я умру, и меня съедят черви. Но я хочу, чтобы наша идея восторжествовала. <...> Для торжества этой идеи я хочу не выставления, более или менее драматического, моей собственной персоны, я хочу не моей власти, а нашей власти, — власти нашего коллектива, нашей организации, нашего коллективного действия, ради которых я первый готов отказаться от своего имени, от своей личности, вычеркнуть их. Дорогой мой, время

исторических и блестящих личностей прошло, и тем лучше. В этом истинный залог торжества демократии...»

Бакунин решил действовать по такой схеме: в условиях полной неразберихи и замешательства (точнее — шока), вызванных победой прусской армии и ее быстрым продвижением вглубь французской территории, побудить народные массы к всеобщему восстанию — сначала во Франции, а затем в Испании, Италии и франкоговорящей части Швейцарии. Такая тактика, рассчитанная на внезапность, должна была привести, по расчетам «апостола мировой революции», к ликвидации государства как такового и послужить сигналом к священной народной войне против прусских оккупантов. Достаточно одной искры, чтобы огонь охватил всю Францию, с тем чтобы вскоре быстро превратиться в мировой пожар. К миссии «поджигателя» Бакунин был готов давно. Он искренне верил: в урочный час и в урочном месте его пламенное слово зажжет многотысячные толпы, от которых революционный энтузиазм перекинется на миллионы. Оставалось только ждать подходящего момента.

4 сентября 1870 года, через три дня после разгрома французской армии под Седаном и сдачи на милость победителя императора Наполеона III, в Париже вспыхнуло восстание, свергнувшее монархию и провозгласившее республику. Революционные выступления прокатились по всей стране. Особенно стремительно и бурно ситуация развивалась в Лионе, Марселе и Тулузе. Лион — крупнейший промышленный центр, а в XIX веке — еще и второй (в настоящее время — третий) по величине город Франции, негласно считавшийся ее второй столицей. Здесь при первом же известии о революции рабочие и представители других слоев населения захватили городскую ратушу и подняли на ней красный флаг[33]. В тот же день образовался Комитет общественного спасения, взявший всю полноту власти в свои руки. С точки зрения Бакунина, это в корне противоречило его антигосударственной модели дальнейшего развития революционной ситуации во Франции и распространения стихийного народного бунта, если не на всю, то, по крайней мере, на Южную и Юго-Западную Европу.

В Лионе у Бакунина было несколько сподвижников (среди них Альбер Ришар), они призывали его срочно включиться в организационную и агитационную работу. Заняв деньги на дорогу, Бакунин 9 сентября 1870 года выехал из Швейцарии во Францию и 15 сентября прибыл в Лион. Повсюду на оккупированных территориях мародерствовала прусская солдатня, а в самой столице политики-республиканцы никак не могли поделить власть и судорожно искали компромисса с ненавистным врагом. Ибо еще большую смертельную опасность французская буржуазия видела в собственном народе: стихийное выступление широких масс могло произойти в любое время. Сформированное в Париже так называемое «правительство национальной обороны» безуспешно пыталось организовать сопротивление пруссакам с помощью деморализованной регулярной армии и всячески тормозило развертывание крупномасштабного партизанского движения, боясь дать народу оружие, которое он в любой момент мог повернуть (и обязательно повернул бы) против собственных национал-предателей и либерал-оборонцев.

По прибытии в Лион Бакунин остановился на конспиративной квартире своего давнего друга портного Луи Паликса и немедленно приступил к объединению антибуржуазных и антиправительственных сил. Он провел несколько собраний патриотов-

интернационалистов, на которых объяснил им свое видение развития революционной ситуации. Затем на грандиозном митинге был образован Центральный комитет спасения Франции, призванный объединить революционно-демократические силы всей страны (и как минимум — оттеснить на задний план буржуазную исполнительную власть в Лионе). Большинство комитета были сторонниками Бакунина, разделявшими его идеи о скорейшем развертывании революции во Франции и сопредельных с ней странах. Ближайшей целью было объявлено создание «революционных коммун» по всей стране и распространение их влияния от периферии к центру (а не наоборот!).

Сам Бакунин, как иностранец, официально не входил ни в какие политические структуры, но был, как теперь принято выражаться, неформальным лидером движения: принимал активное участие в организационной работе, в демонстрациях, митингах, в подготовке программных документов и агитационных материалов. На митинге 26 октября бакунинский Центральный комитет спасения Франции объявил о создании Революционной федерации коммун Французской республики и принял написанную Бакуниным программу радикального переустройства всей страны. (В письме к Огареву он сообщил, что идет ва-банк: «Я иду на пан или пропал. Надеюсь на близкое торжество».) Отпечатанную на красной бумаге программу расклеили в виде листовок по всему городу. Часть листовок отправили в провинцию. «Красная афиша», как ее прозвали, по сей день считается одним из самых выразительных документов революционно-демократического движения второй половины XIX века:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КОММУН

Плачевное положение, в котором находится страна, бессилие официальных властей и индифферентизм привилегированных классов привели французскую нацию на край гибели. Если революционно-организованный народ не поспежит действовать, то его будущее погубило, революция погубила, все погубило. Взвесив размеры опасности и принимая во внимание, что нельзя ни на минуту откладывать отчаянного выступления народа, делегаты федерированных Комитетов Спасения Франции совместно с Центральным Комитетом предлагают немедленно принять следующее решение: Статья 1. Административная и правительственная «государственная машина», ставшая бессильной, упраздняется. Французский народ возвращает себе полноту прав.

Статья 2. Все уголовные и гражданские суды закрываются и заменяются народным правосудием.

Статья 3. Уплата налогов и ипотек прекращается. Налоги заменяются взносами федерированных коммун, взимаемыми с богатых классов соразмерно потребностям Спасения Франции.

Статья 4. Распавшееся государство не может впредь вмешиваться в платеж частных налогов.

Статья 5. Все существующие муниципальные организации распускаются и заменяются во всех федерированных коммунах Комитетами Спасения Франции, которые будут

осуществлять все виды власти под непосредственным контролем народа.

Статья 6. Каждый комитет губернского города пошлет двух делегатов, которые все вместе составят революционный Конвент Спасения Франции.

Статья 7. Этот Конвент немедленно соберется в ратуше Лиона, как второго города Франции и более всех других способного энергически озаботиться защитой страны.

Этот Конвент, опираясь на весь народ, спасет Францию. К оружию!!!

(Под прокламацией стояло 26 подписей, включая бакунинскую.)

Поначалу казалось, что судьба благоволит Бакунину и его сподвижникам. Ввиду хозяйственной и финансовой разрухи муниципальный совет Лиона принял решение о снижении поденной оплаты рабочим национальных мастерских (во Франции они создавались для преодоления безработицы). На эту меру властей было решено ответить многотысячной демонстрацией и митингом перед ратушей. У Центрального комитета спасения Франции появилась блестящая возможность возглавить и направить в нужное русло стихийное выступление народных масс. Всю ночь шло подготовительное собрание. Первым на нем выступил Бакунин. Он настаивал на том, чтобы все участники манифестации были вооружены, что позволило бы немедленно перейти от слов к делу и захватить ратушу. Однако большинство членов Центрального комитета это предложение не поддержало.

Утром 28 сентября центральную площадь Лиона заполнили тысячи рабочих и горожан с красными знаменами. Одновременно началась агитация в казармах национальной гвардии, многие солдаты и офицеры стали склоняться на сторону народа. На площади толпа, возбужденная энергичными призывами, оттеснила стражу и ворвалась в ратушу. Начался митинг. Часть ораторов выступала с балкона, другая переместилась в заполненный народом зал заседаний муниципалитета. Во время выступления Бакунина в ратуше в сопровождении вооруженной охраны появился мэр Лиона и приказал немедленно арестовать русского эмигранта и его французских соратников. Сопrotивление казалось бесполезным, но в это время рабочие ринулись на защиту своих вождей, разоружили национальных гвардейцев и освободили арестованных. Правда, за время краткосрочного ареста гвардейцы успели обобрать Бакунина, лишив его бумажника со всеми деньгами и записной книжки с важными адресами и заметками.

На какое-то время хозяином положения стал Центральный комитет спасения Франция. Бакунин убеждал товарищей арестовать разбежавшихся представителей власти и разоружить национальную гвардию, отказавшуюся принять сторону восставшего народа. Вместо этого они, как это обычно бывает в подобных случаях, занялись дележом «портфелей». Буржуазные республиканцы между тем не дремали. Подавляющее большинство вооруженных национальных гвардейцев оставалось на их стороне. Вскоре они плотным кольцом окружили заполненную народом площадь и вытеснили оттуда митингующих. Бакунин и его друзья оказались в ловушке. Через десять дней он так описывал в одном из писем произошедшее:

«Вы читали в газете... более или менее правдивый рассказ о нашей первой (и не последней) попытке в Лионе 28 сентября. Факт тот, что начало было великолепно. Мы были господами положения. Несмотря на сопротивление буржуазной национальной гвардии, мы овладели ратушей, нам помогал народ, сначала безоружный, а потом сбежавшийся с оружием в руках. Почему мы не остались там? — спросите Вы. Виной этому отсутствие революционного опыта у нескольких наших друзей, которые развлекались революционными фразами в то время, когда надо было действовать и не слушать обещаний реакционеров, которые, видя себя побежденными, обещали все, а потом не выполнили ничего. А в особенности это вина генерала Кюзере, чтобы не сказать — его трусость и измена. Он принял от победоносного Комитета командование над ратушей и республиканскими гвардейцами, которые окружили ее массой и были за нас. Желая одновременно угодить и буржуйам и народу, он позволил первым тайком пробраться в ратушу, тогда как республиканские гвардейцы, считая победу окончательной, начали расходиться. Таким образом, Комитет неожиданно увидел себя окруженным врагами. Я был там с друзьями и говорил им беспрестанно: “Не теряйте времени в пустых спорах, действуйте, арестуйте всех реакционеров. Разите реакцию в голову”. Посреди этих речей я оказался окруженным буржуазными национальными гвардейцами под предводительством одного из самых ярых реакционеров Лиона, самого мэра, г-на Генона. Я отбивался, но меня потащили и заперли в какой-то дыре, порядочно потрепав меня. Час спустя батальон вольных стрелков, обратив в бегство буржуазных гвардейцев, освободил меня. Я вышел с моими освободителями из ратуши, где не было больше ни одного члена Комитета...»

Но вскоре разошлись и рабочие. Дело в том, что «отцы города» вовремя осознали свой просчет и отменили дискриминационное решение о снижении оплаты труда в национальных мастерских, о чем во всеуслышание объявили на площади. Страсти улеглись, и митингующие постепенно успокоились. Прокурор приказал арестовать Бакунина как иностранного смутьяна и одного из главных зачинщиков беспорядков. Тому пришлось срочно перейти на нелегальное положение, а на другой день тайно уехать в Марсель. В прощальном письме к Пал иксу он писал: «Дорогой друг, я покидаю Лион с глубокой грустью и с мрачными предчувствиями. Я начинаю думать теперь, что Франция погибла. Она сделается вассальным княжеством Германии, и ее голос, некогда столь мощный, этот голос, возвещавший свободу всему миру, не будет пользоваться никаким влиянием в советах Европы. Место ее живого и реального социализма займет доктринерский социализм немцев, которые будут говорить только то, что позволят им сказать прусские штыки, вернувшиеся домой после победы. Бюрократический и военный разум Пруссии в союзе с кнутом петербургского царя водворят спокойствие и общественный порядок на всем континенте Европы, по крайней мере, на 50 лет. Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности! Все это могло бы выйти из современного разгрома Франции, и все это вышло бы из него, если бы французский народ, если бы лионский народ этого захотел. Но не будем больше об этом говорить. Совесть моя подсказывает мне, что я исполнил свой долг до конца. Мои лионские друзья также знают это, а до остального мне дела нет...»

Скрываясь в окрестностях Марселя и ожидая революционного выступления трудящихся (в случае, если вражеские войска приблизятся к городу), Бакунин продолжил работу над книгой «Кнутогерманская империя и социальная революция», которую начал еще в Лионе.

Позже Бакунин назовет «Кнутогерманскую империю» (к сожалению, оставшуюся незавершенной) своим духовным завещанием. В самом деле, в определенной степени здесь обобщены его теоретические выводы и опыт, накопленный за время революционной деятельности в Италии, Швейцарии и Франции. В Марселе он пробыл недолго: отсутствие средств к существованию требовало возвращения в Швейцарию. Обратный путь не обошелся без приключений. Под покровом ночи его, загримированного, вывезли на лодке в открытое море, где он пересел на пароход, идущий в Геную, и уже оттуда отправился в Локарно.

Между прочим, в своих прогнозах Бакунин не ошибся: в конце октября в Марселе произошло восстание рабочих, которые с красными знаменами бросились на штурм городской ратуши, практически без боя захватили ее и провозгласили коммуну. Это стихийное выступление было вызвано известием о капитуляции Рейнской армии под Мецем, что открывало путь прусским войскам вглубь Франции. Марсельская коммуна просуществовала несколько дней: у рабочих не было лидеров, способных возглавить и повести за собой массы.

Вслед за Марселем вновь восстал Лион, но и здесь революционное выступление захлебнулось по той же самой причине. Быть может, если бы Бакунин не покинул Францию, события развивались бы по совершенно иному сценарию. Его энергии вполне хватило бы, чтобы воспламенить народ, а харизма прирожденного лидера и вождя способна была обеспечить должную организацию масс. Но он уже не успевал ни в Марсель, ни в Лион. Сумел только предупредить, что в одиночку ни одна из новообразованных коммун — ни Марсельская, ни Лионская, ни Парижская — ничего сделать не в состоянии и обречены на гибель. Победа возможна лишь при объединении всех усилий.

На случай успеха Бакунин еще до падения бонапартистского режима Наполеона III подготовил проект декрета[34], регламентирующего постреволюционную жизнь во Франции; его первая статья гласила: «Революционные коммуны Парижа, Лиона, Марселя, Лиля, Бордо, Руана, Нанта и пр., приготовив солидарно и направив революционное движение для низвержения императорской тирании, объявляют, что они не считают свою задачу оконченной прежде, чем они обеспечат революцию применением принципов равенства, которые они исповедуют. Вследствие этого они соединяются федеративно, становятся на время авторитарными и предпринимают следующее...»: (далее идут еще четырнадцать основных и пять дополнительных конституционных статей будущей «безгосударственной» Французской социалистической республики).

* * *

В ту пору Бакунин много занимался философией. Но уже не той, что четверть века назад. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и даже Фейербах были давно пройденным этапом. Будущее философии бывший гегельянец видел не в абстрактных и спекулятивных конструкциях, а в единстве теории и практики, любознания и естествознания. На тех же позициях, как известно, стоял и Герцен, однако в отличие от него Бакунин больше ориентировался на набиравший силу позитивизм, основоположником которого считался Огюст Конт (1798–1857). Однако было бы неправильно назвать философскую позицию Бакунина чисто

позитивистской; в его мировоззрении по-прежнему доминировали диалектика и материализм, а в более широком плане — даже и пантеизм. Наиболее наглядно это выразилось в обширном трактате, при жизни автора не опубликованном и получившем название «Философские рассуждения о божественном призрак и действительном мире человека».

Бакунин давно был атеистом, тем не менее относился к объективному миру пантеистически. Он даже готов был признать существование Бога при условии, что таковым будет считаться Природа. Дабы не возникало никаких двусмысленностей и недопониманий, он сформулировал свое философское кредо, или, как он еще его называл, аксиому: «Все, что есть, — существа, составляющие бесконечное целое мироздания, все вещи, существующие в мире, независимо от того, какова, впрочем, их общая природа как в отношении количества, так и в отношении качества, вещи, самые различные и самые сходные, большие и малые, близкие или очень отдаленные, — необходимо и бессознательно оказывает друг на друга непосредственно и прямо либо путем косвенных передач непрерывное действие и испытывает непрерывное противодействие; все это бесконечное количество особых действий и противодействий, совокупляясь в общее и единое движение, порождает и составляет то, что мы называем жизнью, мировой взаимосвязью и причинностью, природою. Для меня неважно, назовете вы это Богом, Абсолютом, если это вам нравится, лишь бы вы не придавали этому слову Бог иного смысла, нежели тот, который я только что уточнил: речь идет о мировой, естественной, необходимой и действительной, но ни в коем случае не о predetermined, заранее обдуманной, предусмотренной комбинации, о бесконечности особых действий и противодействий, которые непрерывно оказывают друг на друга все действительно существующие вещи. Таким образом, определенная мировая взаимосвязь, Природа, рассматриваемая в смысле безграничного Мироздания, навязывается нашему уму как рациональная необходимость; но мы никогда не сможем охватить ее действительным образом, даже в своем воображении, и в еще меньшей степени можем ее распознать, ибо мы можем распознать только бесконечно малую часть Мироздания, которая проявляется при посредстве наших чувств. Что же касается всего остального, то мы его предполагаем, не имея даже возможности констатировать его действительное существование».

Почти в то же самое время Бакунин написал работу «Бог и государство» (известна в двух вариантах). Надо ли говорить, что к Богу здесь было столь же негативное отношение, как и к государству?..

Зимой 1871 года Бакунина в Локарно посетил разделявший его взгляды молодой русский студент, обучавшийся в Швейцарии, — Михаил Петрович Сажин, известный также под псевдонимом Арман Росс (1845–1934) и бывший членом бакунинского «Альянса социалистической демократии». Его рассказ о повседневной жизни своего великого учителя, написанный на склоне лет, стоит того, чтобы привести его полностью:

«В эту зиму Мишель (обыкновенно все мы называли Бакунина этим именем) в своих письмах ко мне звал меня приехать к нему, да я и сам очень хотел съездить и пожить с ним несколько дней, но все как-то не удавалось, задерживало то то, то другое. И вот вдруг Озеров (русский сподвижник Бакунина. — В. Д.) из Женевы сообщил, что Мишель очень бедствует и немного прихварывает. Это послужило сильным импульсом, и я дня через два-

три поехал к нему, собрав среди молодежи франков, помнится, около полутора ста, купив чаю и табаку фунта по два. Тогда еще не было железной дороги через Сен-Готард и приходилось ехать и по железной дороге, и на пароходе по четырехкантонному озеру, и в дилижансе, и, наконец, через самый Сен-Готард на санях, так как он был завален снегом. Все путешествие продолжалось полтора суток. Приехав в Локарно и оставив свой саквояж в конторе дилижансов, я отправился к Бакунину и пришел как раз к обеду. Мишель не ожидал меня, но очень доволен был моим приездом. Обед состоял из супа и жареной картошки. Я до сих пор помню очень отчетливо и ясно все, что я увидел и услышал, — так меня поразила беднота жизни его с семьей. Он занимал квартиру в две комнаты во втором этаже двухэтажного дома, очень маленького. Внизу жили хозяева. Между этими комнатами был коридор, который служил столовой и прихожей, потому что с лестницы ход был прямо в этот коридор. Одну комнату занимал Мишель, а другую — его жена с двумя маленькими детьми. Обстановка была самая убогая, мебелишка самая простая, так, в комнате его стояли: кровать, стол, три-четыре стула и сундук, в котором лежало белье, а единственная суконная черная пара висела на гвозде; были еще простые полки с книгами. И стол, и кровать, и табуретки, и стулья были простые, белые. Когда я передал чай, табак и деньги, Мишель расцеловал меня и позвал жену, которая, увидав все это на столе, громко сказала: “Ну, вот мы будем и с мясом. Надо сейчас же уплатить булочнику и мяснику, сколько можно, и тогда мы снова будем иметь у них кредит”.

Бакунин обычно после обеда, от 7 до 9 часов спал, затем до 10–11 часов продолжалось чаепитие, после чего он работал до 3-х часов ночи, спал он от 3—4-х до 10 утра. В 12 часов ходил читать газеты, и затем до обеда я проводил с ним все время в разговорах. Он интересовался моей жизнью в Англии, расспрашивал о моих тамошних знакомых, о разговорах с ними, а когда перешли к Цюриху, то тут он старался выведать от меня решительно все, что я знал о каждом русском студенте или студентке. Через день-другой он снова возвращался к характеристике какого-либо лица, о котором уже говорилось раньше, и спрашивал о нем дополнительно. Когда он весной 1872 года приехал в Цюрих (он прожил здесь два-три месяца), он знал заочно от меня почти всех русских, учившихся в Университете и Политехникуме, и указывал мне мои ошибки в оценке их. Удивительная вещь — он обладал талантом скоро, близко и душевно сходитьсь с людьми, когда эти люди казались ему полезными в революционном отношении. Я помню, что уже на другой день чувствовал себя с ним совершенно свободно и легко, точно таким же молодым и вполне равным себе. Ведь мне тогда было двадцать пять лет, а ему почти шестьдесят, да разве возможно сравнить его прошлую жизнь, богатую таким огромным опытом, его огромные знания и т. д. соответственно с моими, и тем не менее я нисколько не чувствовал его безусловного превосходства. Когда он был в Цюрихе, то я то же самое наблюдал в отношениях его ко всей окружавшей его молодежи, а ведь тогда было несколько десятков лиц, и он со всеми был одинаков. Я прожил с ним тогда неделю, и это время до сих пор я помню очень хорошо, оно было для меня драгоценно. Он выведал от меня всю подноготную, да и я узнал многое, что меня интересовало в революционных делах Европы. До Парижской коммуны я заехал к нему еще один раз ненадолго, и мы встретились с ним, как старые близкие приятели; но полная интимность с ним и с его самыми близкими друзьями и соратниками наступила только после моего возвращения из Парижской коммуны, то есть летом 1871 года, так что “искус” мой продолжался почти год...»

Об упоминаемых Сажиним детях Бакунина необходимо сказать особо. Ближайшее окружение Михаила Александровича считало, что их отцом на самом деле являлся приверженец Бакунина молодой итальянский адвокат Карло Гамбуцци. Нравы в тогдашней революционной среде — как российской или эмигрантской, так и иностранной — были достаточно свободными. Знаменитый роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где достаточно мягко, но недвусмысленно пропагандировалась свободная; любовь «новых людей» — русских революционеров, Антония Ксаверьевна вряд ли читала. Да и кто станет жить по книгам? Сам Бакунин никогда не подтверждал, но и не опровергал циркулировавших вокруг жены слухов. У него самого в сибирской ссылке остался внебрачный сын, о котором, кроме факта его существования, к сожалению, ничего не известно.

Следует также принять во внимание, что в последнее десятилетие жизни здоровье Бакунина было сильно подорвано застарелыми болезнями и в интимных отношениях супругов наступило вполне естественное охлаждение. Тем не менее с Антосей у него до конца дней сохранялись теплые отношения. Детей, носивших его фамилию, он искренне любил. После смерти Бакунина его вдова сразу же вышла замуж за Гамбуцци, и следы ее с тех пор затерялись. Как рассказал мне исследователь родословной семьи Бакуниных В. И. Сысоев, сын Михаила Александровича Бакунина — Карл Михайлович Бакунин — в конце XIX века приезжал в Прямухино с целью выяснения вопроса о своих возможных правах наследования, но вернулся в Европу ни с чем. По данным Ю. М. Стеклова, он покончил жизнь самоубийством.

Безвыходное материальное положение заставило Бакунина еще в 1868 году поставить перед братьями вопрос о выделении ему причитающейся одной шестой доли наследства, с тем чтобы немедленно ее продать (или заложить) и таким образом рассчитаться с долгами. Переписка с братьями приобрела в основном деловой характер и касалась главным образом вопросов раздела имущества. Большинство братьев (в особенности — их жены) не желали раздела и не торопились с принятием окончательного решения, что вынудило Михаила даже заявить однажды: ежели проволочки продолжатся и далее, он продаст свою долю какому-нибудь иностранцу, а тот будет добиваться своих прав уже через суд. Однако родные, несмотря на неприятие его мировоззрения, по-прежнему любили Мишеля, втайне гордились им.

Многое изменилось и в отношениях Бакунина с его лучшими друзьями — Герценом и Огаревым. Мудрого и осторожного Герцена пугали крайний радикализм и непредсказуемость поведения друга. Огарев — тот был попроще: как поэту, ему как раз таки импонировали многие бунтарские идеи и чисто русские черты характера Мишеля — широта души, доброта и участливость, доверчивость и незлопамятность, беззаботность и рассеянность, льющиеся через край оптимизм и веселье. Как известно, после поражения европейской революции 1848–1849 годов в воззрениях и настроениях Герцена произошел перелом: он стал скептически относиться к революционному движению в целом, а в России — в особенности. Он не видел реальных сил, способных пробудить народ ото сна и поднять его на революцию. Теперь он ориентировался на длительную эволюцию и формирование предпосылок социального переустройства общества, а также политическое просвещение народа с помощью нелегальных газет, книг, прокламаций.

В противоположность этому Бакунин делал ставку на революцию «немедленно и любой ценой». Он считал, что революционные предпосылки можно быстро и в «назначенное время» искусственно создать, для чего достаточно организационных усилий немногих, но обязательно талантливых революционеров. Бакунин искренне верил, что и сам способен одной пламенной речью наэлектризовать толпу людей и повести ее на штурм любой Бастилии. Герцен же видел в этом обыкновенный экстремизм и авантюризм, попытку проигнорировать закономерности объективного развития и перескочить через еще не пройденные этапы социальной эволюции. В конечном счете, непримиримые разногласия с Бакуниным привели к появлению последней герценовской теоретической и публицистической работы, обращенной непосредственно к старому другу. Она так и называется — «К старому товарищу» и написана в виде четырех писем.

Свое мнение Герцен сформулировал в предельно деликатной (я бы сказал даже — в элегической) форме, на которую способен был, пожалуй, один только он. Вот, к примеру, заключительные аккорды второго письма: «<...> Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений, но разное стали к вопросу. Ты рвешься вперед по-прежнему с страстью разрушения, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем, для того чтоб знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной — не могут идти. И еще слово. Высказывать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность. Я думаю, ты со мной согласишься в этом».

Тогда же, подводя итоги своей долгой и совсем не гладкой дружбы с Михаилом, он писал: «О Бакунине я говорил и придется еще много говорить. Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появление, везде — в кругу московской молодежи, в аудитории Берлинского университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его речи в Праге, его начальство в Дрездене, процесс, тюрьма, приговор к смерти, истязания в Австрии, выдача России, где он исчез за страшными стенами Алексеевскою равелина, — делают из него одну из тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история.

В этом человеке лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, иересиархом, бойцом. Поставьте его куда хотите, только в крайний край, — анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоца, другом Гракха Бабефа, — и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов, — “Но здесь, под гнетом власти царской”, Колумб без Америки и корабля, он, послужив против воли года два в артиллерии да года два в московском гегелизме, торопился оставить край, в котором мысль преследовалась, как дурное намерение, и независимое слово — как оскорбление общественной нравственности».

Фактически такую же нелюбимую правду он высказал Михаилу в одном из писем: «Пятьдесят лет своей жизни ты провел вырванный из практической жизни. Смолоду брошенным в немецкий идеализм, который время, согласно схеме, превратило в

созерцательный реализм, не познавшим России ни во время своего заключения, ни после Сибири, но переполненным огромной страстной жадой благородной деятельности, ты жил в буре призраков, студенческих шалостей, смелых планов, пустяковых решений. После десяти лет заключения ты вышел тем же теоретиком со всей неопределенностью, болтуном без скрупулезности в денежных делах, обуреваемый тихим, но неуклонным эпикуреизмом и испытывающим зуд к революционной деятельности, в которой только революции нет».

Постепенному отчуждению между Герценом и Бакуниным способствовали не только идейные расхождения, но также и некоторые непреодолимые психологические мотивы. Бакунин до конца дней продолжал сохранять дружеские отношения с давним своим приятелем — поэтом Георгом Гервегом — личным врагом Герцена, соблазнителем его жены и разрушителем семьи. Хорошо известно также столкновение Бакунина с сыном Герцена Александром, которого отец во время польского восстания 1863 года направил в Швецию — по существу, для контроля за деятельностью находившегося там же непредсказуемого Бакунина. Во время конфликта Герцен, естественно, встал на сторону сына, обвиненного Бакуниным в мальчишестве, бонапартизме, авантюризме, наглости и политическом дилетантстве. Неоднократно, в самой нелюбезной и саркастической форме критиковал Герцен анархическое кредо Бакунина, связанное с уничтожением государства, старался как можно реже публиковать его статьи в своих изданиях (и, в частности, в газете «Колокол»), откровенно недолюбливал жену Мишеля — Антосю и держался по отношению к ней с демонстративной отчужденностью, наконец, первым подхватил и всячески содействовал распространению обидного для Михаила иронического прозвища — «Большая Лиза», сопряженного с известной сентиментальной повестью Карамзина «Бедная Лиза»[35].

И все же никто лучше Герцена не осознавал величия Бакунина, его уникальной роли в русском освободительном движении. Даже когда они разошлись, Герцен продолжал защищать Михаила от нападок и наветов. Когда интриган Николай Утин попытался в очередной раз очернить Бакунина в глазах Герцена, тот с присущим ему достоинством ответил: «<...> Я не могу согласиться с Вашим мнением, очень враждебным, относительно Бакунина. Бакунин слишком крупен, чтобы с ним поступить *somnarirement* [бесцеремонно. — фр.]. У него есть небольшие недостатки — и огромные достоинства. (Та же мысль повторяется и в мемуарах Герцена, объединенных под названием «Былое и думы». — В. Д.) У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем. Не полагайтесь на то, чтобы всякое сменяющее поколение интенсивно было лучше предыдущего. <...> В людях, как в винах, есть *сги* [зависимость от климата, почвы, сорта винограда и т. п. — фр.]. Я думаю, что Бакунин родился под кометой» (выделено мной. — В. Д.).

Смерть Герцена, последовавшая 9 (21) января 1870 года в Париже, поразила Бакунина в самое сердце. «Огарев! Неужели это правда? — писал он другу. — Неужели он умер? Бедный ты! Бедные Natalie обе! Бедная Лиза! Друг, на наше несчастье слов нет. Разве только одно слово: умрем в деле. Если можешь, напиши хоть одно слово».

* * *

Парижская коммуна была провозглашена 18 марта 1871 года. Рабочий Париж восстал и взял власть в свои руки в ответ на попытку официальных властей вывести из осажденного пруссаками города артиллерию и разоружить национальную гвардию. Над парижской ратушей вознеслось красное знамя. Правительство «национальной обороны» во главе с Адольфом Тьером бежало в Версаль. В результате демократических выборов большинство в коммуне составили депутаты социалистической ориентации (прудонисты, бланкисты, бакунисты и несколько марксистов). Сам Бакунин увидел в Парижской коммуне подтверждение своей главной идеи — фактической отмены государственной формы правления. Он восторженно приветствовал парижских коммунаров, среди которых было немало его друзей. Уже после ее поражения, кстати, им предсказанного заранее, Бакунин писал: «Я — сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце Европейского пролетариата; я — сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием Государства».

На эту тему он готов был говорить бесконечно: «Что это практическое отрицание Государства имело место именно во Франции, бывшей доселе по преимуществу страной политической централизации, и именно в Париже, в историческом центре той великой французской цивилизации, которая и положила начало отрицанию государства, — это факт громадной исторической важности. Париж, развенчивающий себя и с энтузиазмом отрекающийся от своей власти во имя свободы и жизни Франции, Европы, целого мира! Париж, снова ставший инициатором и тем снова подтвердивший свое историческое призвание, показав всем рабским народностям (а какие же из современных народов не находятся в рабстве!) единственный путь освобождения и спасения! Париж, нанесший смертельный удар политическим традициям буржуазного радикализма и положивший реальное основание революционному социализму! Париж, вновь заслуживший проклятия всех реакционеров Франции и целого мира! Париж, в смертельной ненависти к ликующей реакции похоронивший самого себя под дымящимися развалинами! Париж, спасший ценою своего разрушения честь и будущность Франции и доказавший человечеству, что если жизнь, ум, нравственная сила и исчезли в высших классах, то зато они, могучие и полные будущности, сконцентрировались в пролетариате! Париж, освятивший новую эру, эру решительного и полного освобождения народных масс, эру их солидарности, ныне вполне осуществленной помимо государств с их искусственными границами! Париж, провозгласивший себя гуманитарным и атеистичным и заменивший божественные вымыслы великою реальностью социальной жизни и верой в науку, которая заменила ложь и неправду религиозной, политической и юридической морали принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этими вечными основами всякой человеческой морали! Геройский, рациональный и верующий Париж, запечатлевший своим великодушным падением, своею смертью могучую веру в судьбы человечества и завещавший эту веру, еще более могучую и живую, грядущим поколениям! Париж, затопленный кровью своих самых благородных сынов, — это человечество, пригвожденное к кресту сплоченной Европейской международной реакцией с благословения всех христианских церквей и великого жреца неправды — папы! Будущая же международная и солидарная революция народов будет воскресением Парижа!»

Где бы ни появлялся Бакунин в это судьбоносное для Европы время, что бы ни делал, что бы ни говорил или ни писал — на первом плане для него по-прежнему оставалась давняя, неискоренимая пламенная страсть, выражаемая одним-единственным словом — СВОБОДА! В работе, посвященной анализу деятельности и гибели Парижской коммуны, содержится настоящий гимн этому священному для него понятию:

«Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где могут развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное, как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж. Ж. Руссо и всеми другими школами буржуазного либерализма и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, — что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида.

Я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному отсутствию ограничений, так как эти законы не изданы каким-либо законодателем, вне нас, рядом с нами или превыше нас стоящим; они нам присущи, неотделимы от нас, составляют самую основу нашего существа, как материального, так и интеллектуально-морального; вместо того чтобы извращать их, мы должны их рассматривать как необходимые условия и настоящую, действительную причину нашего стремления к свободе.

Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом, но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида, не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу, восторжествовавшую над грубой силой и над самым принципом авторитета — неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру, — миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств».

Во истину, весь мир изменился, неизменными и непоколебимыми остались только убеждения русского «апостола свободы», не устававшего утверждать: только в условиях ничем не ограниченной свободы полностью раскрепощается личность и пробуждаются ее творческие потенции, а перед человеческим разумом расступаются доселе недоступные горизонты...

Версия #2

██████████ ██████████ создал 30 июня 2025 19:20:45

██████████ ██████████ обновил 30 июня 2025 19:56:55